

О перспективах реализации гражданами России права на пенсионное обеспечение в контексте применения доктрины «живой Конституции»

On the prospects for the implementation by citizens of Russia of the right to retirement benefits in the context of applying the “living Constitution” doctrine

Иванюженко А.Б.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры Финансового права Санкт-Петербургского Государственного экономического университета
e-mail: iuta2007@yandex.ru

Ivanyuzhenko A.B.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics
e-mail: iuta2007@yandex.ru

Аннотация

В представленной статье всесторонне рассматривается ряд проблем, возникших в современном Российском конституционном и налоговом законодательстве в связи с неоднозначностью истолкования дефиниции «труд», и как следствие – проблемах финансового законодательства.

Ключевые слова: пенсионное страхование, приватизация труда, занятость, оплата труда, живая Конституция, Международная организация труда, налоговое законодательство.

Abstract

The presented article comprehensively examines some problems arising in modern Russian Constitutional and Tax legislation in connection with the ambiguity of the interpretation of the definitions «Labour» and «work», and as a result, the problems arising in the Financial legislation.

Keywords: pension insurance, privatization of labour, employment, remuneration, living Constitution, international labour organization, tax law.

Противоречия законодательства о финансовом обеспечении жизни человека в старости подняли весной – летом 2018 г. острую общественную дискуссию по поводу экономической обоснованности пенсионной системы России и ее социальной справедливости. Промежуточным итогом этой дискуссии стало принятие 03.10.2018 г., вступающего в силу с 01.01.2019 Федерального закона № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [17], в соответствии с которым предполагается поэтапное повышение пенсионного возраста на 5 лет (до 60 и 65 лет у женщин и мужчин соответственно), а также предусматривается введение ряда дополнительных социальных гарантий для российских граждан. Однако названный акт вызвал недовольство российского общества, обусловленное тем, что увеличение возраста, предоставляющего право на пенсионное обеспечение, ограничивает субъективные права граждан на социальную защиту и противоречит исторически сложившимся взглядам общества на основе приобретения

социальных гарантий (установление возраста, дающего право на пенсионное обеспечение в 30-е годы XX в.).

Несмотря на периодическое «реформирование» пенсионного законодательства, система перераспределения средств, предназначенных для обеспечения лиц, подлежащих обязательному пенсионному страхованию (ОПС) денежными ресурсами, принципиально не меняется на протяжении всего времени существования Российского государства. Она, как и ранее, описывается в терминах страхового законодательства (Федеральные законы от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [16] и от 15.12.2001. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [15]), страхователи уплачивают в пользу государства страховые взносы (Раздел XI Налогового кодекса РФ – НК РФ [12]), а для исполнения страховых пенсионных обязательств у страховщика – Пенсионного фонда России (ПФ РФ), созданного еще в 1991 г., ежегодно формируется бюджет (гл. 17 Бюджетного кодекса РФ – БК РФ [10]).

При этом система пенсионного обеспечения постоянно подвергается критике, которая затрагивает необоснованность лежащей в основе ОПС актуарной модели (согласно выводам д-ра экон. наук О.Г. Дмитриевой, «в пенсионном законодательстве нет общего алгоритма расчета пенсий. <...> **Большая часть алгоритма в пенсионном законодательстве изложена вербально** (выделено нами – *А.И.*), что порождает длительные судебные процедуры» [33, 114]). Также критически воспринимаются нормы, связанные с увеличением возраста, позволяющего претендовать на страховую пенсию по причинам сомнительности применяемых статистических методик, подтверждающих увеличение периода дожития пенсионеров. Критика третьего рода обращена на социальную несправедливость пенсионных выплат, обусловленную тем, что пенсионное обеспечение многочисленных категорий работников бюджетной сферы находится вне пределов ОПС, а названные лица по выходу в отставку получают пенсии по так называемому «государственному пенсионному обеспечению» в соответствии с одноименным Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ [14] за счет ресурсов федерального бюджета, приобретая право на пенсию, как правило, на 10–15 лет ранее по сравнению с лицами, обеспечиваемыми за счет ОПС. Социальная несправедливость пенсионной защиты населения видится критикам и в том, что осуществление лицами, находящимися на пенсионном обеспечении трудовой деятельности после приобретения пенсионных прав, создает количественные диспропорции в доходах по сравнению с работниками, застрахованными по ОПС, что противоречит установленным в современном обществе конституционным принципам равенства (п. 2 ст. 6 Конституции России).

Реакция общества на существующие противоречия проявляется в том, что население не придает пенсии по старости компенсационно-восстановительного значения (согласно ст. 8 Закона № 167-ФЗ, страховой случай в ОПС рассматривается, как достижение лицом пенсионного возраста, в связи с чем у него возникает риск «утраты заработка», ст.ст. 9, 10 Закона РФ от 27.11.1992. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [20] предполагают вероятностный характер страхового случая, а ст. 951 ГК РФ прямо устанавливает ограничения для выплат сверх страховой суммы), рассматривает пенсию как некую систему обязательного государственного всепомоществования, и после приобретения права на нее продолжает выполнять трудовую деятельность, ссылаясь в некоторых случаях на ее незначительный характер и высокую стоимость потребительской корзины.

Останавливаясь на конституционно-правовых аспектах пенсионной защиты, следует отметить, что система ОПС является формой социальной защиты, предусмотренной Федеральным законом, но не Конституцией России, в ст. 7 которой говорится о государственной поддержке пожилых людей и установлении государственных пенсий, но не о методике ее расчета [1]. В результате, пенсионной защите отводится роль части социального контракта, но форма процессуальной реализации этого «контракта» не установлена, в связи с чем, право на пенсионные выплаты, предусмотренные системой

ОПС, истребуется застрахованными по достижении указанного в законе возраста «по инерции», что, как нам представляется, обусловлено ссылками нынешних когорт на исторический опыт предшествующих поколений. С другой стороны, подобная «инерция», усматриваемая нами в желании общества реализовать право на государственные денежные компенсации, влечет социальное иждивенчество, следствием чего являются неоднозначно воспринимаемые тем же обществом заявления политиков об основаниях и величинах денежных обязательств, возникающих у государства перед своими гражданами [38; 43].

Является очевидным, что существующая ныне товарно-денежная система производства предполагает некую человеческую активность в обеспечении себя ресурсами для биологического существования (так называемую «трудовую деятельность»), которая по субъективным причинам снижается с возрастом человека, что возлагает на государство исполнение процитированных выше конституционных гарантий. Однако в Основном законе России не усматривается императив, в соответствии с которым российские граждане участвовали бы в формировании ресурсов, за счет которых формируется бюджет страховщика, а, напротив, сочетание названных выше положений Конституции России с положениями ст. 37 о свободе труда (запрете принудительного труда) формирует неопределенность правового регулирования обеспечения денежными ресурсами этой системы, что порождает дискуссию в контексте ст. Ч. 3 ст. 17 Конституции России (права человека не должны нарушать прав других лиц) об обязанности лиц, реализующих право на свободу труда, уплачивать страховые взносы в ПФ РФ [36].

При этом следует отметить, что российская доктрина изложения смысла Основного закона, осуществляемая Конституционным Судом России (КС РФ), все больше тяготеет к доктрине «живой Конституции». Председатель КС РФ В.Д. Зорькин, защищая необходимость использования этой доктрины, указывал на то, что «(Конституционный – А.И.) Суд не связан формулировками ранее принятых правовых позиций <...> изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку КС РФ, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только букву, но и дух тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособляет ее к меняющимся отношениям в обществе ("живое право") [35, 164], а непосредственно концепция "живой Конституции" представляет собой по его же словам такую систему ее истолкования, которая позволяет, не искажая сути правового смысла, заложенного в ее текст выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий» [34]. Несмотря на многочисленные дискуссии по поводу неоднозначности названной доктрины, КС РФ фактически приступил к ее реализации, что в частности нашло отражение в отношениях по поводу взглядов на возмездность платежей бюджет ПФ РФ (Постановление КС РФ от 24.02.1998. № 7-П [7] и Определение КС РФ от 05.02.2004. № 28-О [8]).

Останавливаясь на применении доктрины «живой Конституции» к системе ОПС, нам следует напомнить, что в ее основе лежит модифицированная со временем модель «солидарности поколений», разработанная в Европе еще в XIX в. и основанная на тезисе о том, что пожилое поколение обеспечивается ресурсами, формируемыми за счет выхода на рынок труда нового, молодого поколения. Данная модель была инкорпорирована в законодательство СССР и использована в качестве базы для пенсионного обеспечения современных когорт пожилых людей. Однако, проблемным нам видится то, что в СССР в отличие от современной России рынок труда отсутствовал, «труд» рассматривался одновременно и как право (ст. 40 Конституции СССР от 7.10.1977. [2]), и как «обязанность каждого трудоспособного человека» (ст. 60), и, одновременно, – как «источник роста общественного богатства, благосостояния народа, советского человека», а мера труда и потребления определялась известным принципом «от каждого по способностям – каждому по труду» (ст. 14). Как нам представляется, названный императив был базой для перераспределения в обществе благ и в том числе – для пенсионной защиты населения. Несмотря на то, что в законодательстве СССР дефиниция «труд» отсутствовала, в

советском обществе существовал тезис о признании труда «первой жизненной потребностью каждого советского человека» (ст. 14 Конституции СССР), что восходило к идеям марксизма и гегельянства о труде, как базе для формирования «Я» человека в мире и обществе, являлось базой для обретения человеком (человеческой общностью) свободы [29, 23-24].

Конституция Российской Федерации 12.12.1993 в ст. 40 также закрепила право человека на труд, а КС РФ в определении от 19.05.2009. № 597-О-О, раскрывая содержание этого права, по сути, повторил нормы ст. 40 Конституции СССР о праве граждан на выбор профессии, добавив к этому возможность осуществления деятельности по гражданско-правовому договору и что естественно не упомянул предусмотренный ст. 40 Конституцией СССР «учета общественных потребностей на определение профессионального выбора занятости» [9].

Однако, современное российское общество, равно как и общество в эпоху СССР, предусмотрев свободное распоряжение человеком своими возможностями, создало по сравнению с обществом построения коммунизма новые условия общественного бытия, что нашло отражение в многочисленных нормативных актах, регулирующих существование человека в условиях рынка. В то же время, российский законодатель, изначально определяя, что источниками формирования ресурсов ОПС являются начисления на оплату труда (в настоящее время регламентируются ст. 420 НК РФ) определенным образом спровоцировал убыточность системы ОПС.

Это выражается, во-первых, в том, что российский законодатель, несмотря на достаточно длительный срок действия Российской Конституции, не определился с содержанием дефиниции «труд», не обозначил признаков этой категории, а принятый Закон РФ от 19.04.1991. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», содержащий в себе термины «труд» и «работа» (в том числе по «трудовому договору»), отождествляет их по смыслу ст.ст. 1, 2 с некоей «занятостью» [21]. Позднее в России была создана Федеральная служба по труду и занятости, призванная регулировать названные социально-экономические процессы, но Положение о ней также не раскрывается содержание этих категорий [26], что не позволяет определиться с их нормативными границами.

Не вносит ясности в эту проблему содержание общепризнанных принципов и норм международного права, которые согласно ч. 4. ст. 15 Конституции России являются составной частью ее правовой системы. Так, Декларация «О целях и задачах Международной организации труда» (МОТ) от 10.05.1944 в п. «а» ст.1 установила, что «труд не является товаром» [3], но не определилась с содержанием этой категории. Некоторое представление о содержании категории «труд» дает Конвенция МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда», в которой труд, не относящийся к категориям обязательного или принудительного (т.е. «свободный труд»), представляет собой некую «работу» или «службу», являющуюся «частью обычных гражданских обязанностей» [5]. Поскольку государства – члены МОТ согласно Декларации МОТ от 18.06.1998. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» обязаны признавать содержание категории «труд» в пределах Конвенции № 29 только для запрета принудительного труда, а Декларация «О целях и задачах МОТ», которую также должны признавать государства-члены независимо от признания ее национальным правом не дает разъяснения этого термина [3], в связи с чем возникает проблема истолкования категории «труд», как на уровне международного права, так и на уровне национального законодательства России, что, как будет показано ниже, приводит к прямым противоречиям для целей формирования величин фискального обременения оплаты труда.

Во-вторых, в Европейской цивилизации термины «труд» и «работа» могут либо отождествляться (в немецком языке, из которого в советское право попала доктрина всеобщего труда, они излагаются единственным термином – «*Arbeit*» [48, 80] – см. ниже), либо рассматриваться как общее и частное (в современном английском языке, на котором

подготовлены Конвенции МОТ, категория «*labour*» (труд) рассматривается как более широкий термин по отношению к категориям «*work*» (работа) и «*service*» (служба) [27]. Напротив, носители русского языка не отождествляют эти категории семантически, о чем писала в свое время Т.В. Орлова [42, 72]. Из личных наблюдений мы можем сделать частный вывод о том, что, в отличие от «работы», «труд» в российском сознании персонифицируется, ему придается признак индивидуальной ответственности независимо от процедуры оформления, а напротив, «работа», (представляющая собой «функцию») может выполняться формально. Замена человеком отношения к «труду» – отношением к «работе» может создавать проблемы в организации трудовых отношений публичного и частного секторов экономики [37], в связи с чем стимулирование перехода от «работы» к «труду» достигается как в денежном эквиваленте только по соглашению между сторонами так называемого «трудового договора» (так называемая сделка «эффективного контракта»), так и при помощи иных мотивационных приемов, разработанных тем же работодателем (нематериальная мотивация) [44].

В-третьих, современный российский работодатель, руководствуясь целью извлечения прибыли, несмотря на императивы МОТ и существование доктрины «социальной ответственности бизнеса», продолжает рассматривать труд как товар, что соответствует тезису К.Маркса о том, что «деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя» (*Thätigkeit des Arbeiters nicht seine selbstthätigkeit. Sie gehört einen andern, sie ist der Verlust seiner selbst*) [40, 90], а оплату труда рассматривает как «расходы связанные с производством и реализацией» (ст.ст. 253, 255 НК РФ). В соответствии с этим, лицо, «приобретающее» отчужденный труд, может злоупотреблять обязанностями по его оплате (по данным Росстата на 1.11.2018 г., суммарная задолженность организаций по заработной плате составила 3209,4 млн руб. и по сравнению с 1 октября 2018 г. увеличилась на 2,2% [52], а согласно исследованиям агентства «РИА Рейтинг» труд каждого пятого россиянина оплачивается в сумме менее 15 тыс. руб. в месяц; а в 22 регионах более 33% людей зарабатывают меньше этой суммы при условии, что труд среднестатистического россиянина (50% работающих) оплачивается в пределах 17–44 тыс. руб. в месяц [53]), а равно – формализовано и не добросовестно выполнять функцию страховщика в ОПС в связи с тем, что не склонно возлагать на себя расходы по содержанию работника в отдаленном будущем.

Поскольку в конце 80-х годов XX в. концепция социалистического государства не привела к удовлетворению человеческих потребностей, Российское государство на переходном этапе развития попыталось подтолкнуть общество к персонализации результатов труда посредством процедур передачи предприятий рабочим коллективам (приватизации). Обосновывая эту реформу, еще в конце 80-х годов XX в. Е.Т. Гайдар указывал на то, что «там, где правящие элиты оказались достаточно гибкими, они сумели вовремя <...> создать амортизаторы общественных конфликтов. Идея же, что сегодня можно выбросить из памяти семьдесят лет истории, обеспечить общественное согласие, передав средства производства в руки нуворишей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрирует силу утопических традиций в нашей стране. **Программа реформы, не предусматривающая упрочения таких ценностей, как <...> активное участие трудящихся в управлении производством, просто нежизнеспособна** (выделено нами – А.И.)» [32]. Данный тезис нашел непосредственно свое отражение в Законе СССР от 04.06.1990. № 1529-1 «О предприятиях в СССР», в ст. 1 которого под предприятием понимался «хозяйствующий субъект, <...> который на основе использования трудовым коллективом имущества производит и реализует продукцию, выполняет работы, оказывает услуги» [24]. В последующем, названный тезис отражался в Законе РСФСР от 03.07.1991. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» [23] и Законе РФ от 03.07.1991. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской

Федерации» [22], в соответствии с которыми предполагалось, что человек аналогично деятельности на мануфактуре эпохи Возрождения будет в условиях рынка принимать решение о формировании результата своего труда и распоряжении этим результатом. Однако, последовавшая за этим концепция приватизации посредством «ваучеров» [25] повлекла за собой передачу средства производства в руки вышеназванных «нуворишей теневой экономики», что создало определенную эффективность в создании продукта, но стало рассматривать труд работников как собственность, с неблагоприятными последствиями для системы ОПС, что прослеживается и поныне.

Это обуславливается и тем, что у россиян, заставших эпоху социализма, встречается некий дуализм в восприятии общественной активности и его результатов (примером чего являются философские рассуждения Л.Н. Толстого по поводу соотношений в трудовой деятельности содержательного и конечного: «И день и силы посвящены труду, и в нем самом награда. А для кого труд? Какие будут плоды труда? Это соображения посторонние и ничтожные» [46, 303-304]), обусловленные наличием исторических стереотипов социального поведения рассматриваемых в качестве императива строителя социализма (в «Моральном кодексе строителя коммунизма» существовал тезис о том, что «кто не работает – тот не ест», названный Президентом России 14.01.2018. «выдержкой из Библии» [51]) не соответствует современным условиям производственных отношений. Одновременно с этим, в первую очередь, современное поколение россиян во многих случаях пополняют ряды так называемых «прекариев» [45], рассматривая занятость как деятельность, направленную на извлечение дохода, предназначенного для удовлетворения личных материальных потребностей [50] без признания каких-либо социальных обязательств, игнорирует платежи в ПФ РФ, и оценивается государством в качестве «безбилетников», о феномене которых рассуждали К. Макконнелл и С. Брю [39], что создает прямые убытки для бюджетной системы России (по мнению ряда экспертов без надлежащего оформления осуществляют социально-полезную деятельность порядка 20 млн чел. или почти 30% занятых [28; 30], а, несмотря на существование налоговых льгот, предусмотренных Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] для отдельных категорий самозанятого населения (репетиторов, нянь и домработниц), в случае их регистрации, за первые три месяца действия названного закона было подано только 40 уведомлений [41]).

В данных условиях, создающих препятствия для сокращения дефицита ПФ РФ, государство инициировало социальный эксперимент по введению Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» с 1.01.2019 г. одноименного налога, распространяемого на самозанятое население, и извлекающего доходы от некоей социальной активности, связанной с «реализацией товаров, работ, услуг, имущественных прав» (П.1 ст.6) [18]. При этом обращает на себя внимание то, что признание объектом названного налога не дохода, а именно «реализации» позволяет при наличии норм ст. 39 НК РФ (Реализация товаров, работ, услуг [12]) говорить о первом шаге государства к признанию труда собственностью лица, отождествлению его результатов с результатами деятельности от отчуждения на возмездной основе товаров и имущественных прав и в конечном итоге рассматривать его в качестве товара.

В то же время, названный социальный эксперимент не в полной мере соответствует тезису министра финансов РФ А.Г. Силуанова о том, что «граждане должны сами заботиться о том, чтобы при завершении работы, получать достойную пенсию» [31], т.к. средства, извлеченные самозанятым населением в результате своей деятельности, не облагаются обязательными платежами в ПФ РФ по причине отнесения названных категорий согласно ст. 3 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 425-ФЗ «О внесении

изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к «лицам, вступающим в добровольные правоотношения по ОПС» [19], в связи с чем бремя уплаты обязательных взносов в ПФ РФ в отношении самозанятого населения может быть возложено на потребителей их работ (услуг) в порядке ст.ст. 419, 420 НК РФ, что может быть негативно воспринято обществом и будет также способствовать формированию нелегального рынка труда.

Соглашаясь с тезисами Председателя КС РФ В.Д. Зорькина о том, что «последние законодательные решения по пенсионной реформе объективно затрагивают очень широкий спектр социально-экономических прав малоимущих слоев населения страны и <...> остро воспринимаются как несправедливые» [34], но одновременно с этим России «нужен такой синтез двух подходов («западничества» и «почвенничества» – А.И.), который увязывал бы на единой философско-правовой основе исторические особенности России и мировые достижения в области правового развития» [49], и учитывая существующее у КС РФ в соответствии с принятым Постановлением от 14.07.2015. № 21-П право производить толкование соответствующих положений Конституции РФ «в целях устранения неопределенности в их понимании и неоднозначным подходом к толкованию актов международного права» [6], нам думается, что государству следует пересмотреть концепцию пенсионного обеспечения лиц в старости посредством создания некоторых законодательных новелл.

В частности, государству следует определиться, что же в контексте вышеназванной доктрины «живой Конституции» является тем самым «трудом», право на который имеет россиянин, а также с тем, какими характеристиками эта категория будет обладать при признании этого определения правовой дефиницией.

Также в целях достижения социальной справедливости государству следует признавать страховым случаем по ОПС фактическую, субъективную неспособность человека к извлечению средств от реализации права на труд (невозможность извлекать средства к существованию от трудовой деятельности), независимо от ее вида и способа оформления, равно как и социальной значимости (труд в частном секторе, на государственной службе или извлечение дохода от предпринимательской деятельности), что создаст предпосылку для выполнения пенсиями исключительно компенсационной функции в контексте таких конституционных гарантий, как «достойная жизнь» и «свободное развитие человека».

Как следствие этого, и учитывая, что отношения между российским обществом и государством обладают рядом особенностей, обусловленных нетрадиционным восприятием гражданами самого термина «государство» [47, 166], и взглядам на наличие у государства по отношению к гражданам прав и обязанностями и их реализацию, нам представляется, что государство, исполнив должным образом свои обязанности по пенсионной защите ныне существующих когорт занятого населения, должно инициировать, начиная с некоей даты «Х», «вторую стадию приватизации», под которой нам представляется процедура приобретения исключительно новыми, молодыми поколениями конституционного права на «свободный труд», как на базовую категорию общественного бытия, что повлечет за собой пересмотр регуляторов в сфере отчуждения результатов труда, признания в качестве страхователей лиц, приобретающих право собственности на труд и исполнения ими обязанностей в интересах обеспечения человека в старости.

Поскольку, как мы писали выше, труд, являясь формой «деятельности» человека, позволяет последнему существовать в обществе и удовлетворять личные потребности, система ОПС, формируемая за счет отчислений со стоимости труда, распространяемая в равной степени на все новые когорты российского общества должна обеспечить Человека будущего ресурсами к достойной жизни, что, как нам видится, будет соответствовать единым критериям компенсационного механизма страховой защиты, приведет к

экономической обоснованности пенсионной системы, а также позволит ей быть более ресурсообеспеченной, а также справедливой.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014, № 31, ст. 4398.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР, 1977, № 41, ст. 617;
3. Декларация «О целях и задачах Международной организации труда»: принята в г. Филадельфии 10.05.1944 на 26-ой сессии Генеральной конференции МОТ // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. С. 351 – 372;
4. Декларации Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда»: принята в г. Женеве 18.06.1998 // Российская газета, 1998 – 16 декабря;
5. Конвенция Международной организации труда № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»: принята в г. Женеве 28.06.1930 // Ведомости ВС СССР. 1956 г. № 13. Ст. 279;
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета, 2015 – 27 июля;
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.1998 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» // Российская газета, 1998 – 10 марта;
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2004. № 28-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статьей 10 Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Вестник Конституционного Суда РФ, 2004. № 5;
9. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 19.05.2009. № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации» // Экономика и жизнь, 2009. № 38 (бухгалтерское приложение);
10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // СЗ РФ. 1998, № 31, ст. 3823;

11. Налоговый кодекс Российской Федерации Ф (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.11.2018) // СЗ РФ, 1998 № 31, ст. 3824;
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2018) // СЗ РФ, 2000, № 32, ст. 3340;
13. Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 2016 – 05 декабря;
14. Федеральный закон от 15.12.2001. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Российская газета, 2001 – 20 декабря;
15. Федеральный закон от 15.12.2001. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Российская газета, 2001. – 20 декабря;
16. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета, 2013 - 31 декабря;
17. Федеральный закон 03.10.2018. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Российская газета, 2018 – 05 октября;
18. Федеральный закон от 27.11.2018. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Российская газета, 2018. – 30 ноября;
19. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета 2018. – 30 ноября;
20. Закон Российской Федерации от 27.11.1992. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета, 1993 – 12 января;
21. Закон Российской Федерации от 19.04.1991. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Российская газета, 1996 – 6 мая;
22. Закон Российской Федерации от 03.07.1991. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР». 1991, № 27, ст. 927;
23. Закон РСФСР от 03.07.1991. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991, № 27, ст. 925;
24. Закон Союза Советских Социалистических Республик от 04.06.1990. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР, 1990, № 25, ст. 460;
25. Указ Президента Российской Федерации от 14.08.1992 № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» // Российская газета, 1992. - 27 августа;
26. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 324 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости» // Российская газета, 2004 – 8 июля;
27. Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н. Англо-русский словарь: Ок. 36000 слов – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1992. – 608 с.
28. Базанова, Е. «Чиновники спорят, как собирать налоги с самозанятых» // Ведомости 2017 – 14 мая.
29. Барулин, В.С. Социальная философия: Учебник. - Изд. 3-е. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000 – 560 с.
30. Березина Е. «Сам себе хозяин» // Российская газета, 2016 – 24 ноября.
31. Белоконова Е. «Силуанов заявил, что достойная пенсия - это забота самих россиян». [Электронный ресурс] / Е.Белоконова // Сайт информационного агентства «Комсомольская правда». - Режим доступа:<https://www.kp.ru/online/news/3079705/> (10 апреля 2018).
32. Гайдар Е.Т. «Частная собственность – новый стереотип» // Московские Новости, 1989. - 8 октября.

33. *Дмитриева О.Г., Чернов В.П.* Монотонность и стационарность пенсионных функций и их нарушение в действующих и предлагаемых формулах расчета пенсий // Вопросы экономики. – 2014. – № 6. – С. 112–140.
34. *Зорькин В.* «Буква и дух Конституции» // Российская газета, 2018 - 9 октября.
35. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – 720с.
36. *Игнатова О.* «Неработающих россиян предложили штрафовать за неуплату взносов» // Российская газета, 2018 – 20 ноября.
37. *Иванюженко А.Б.* «Актуальные вопросы финансово-хозяйственной деятельности автономных учреждений». // Финансы и бизнес. – 2011. – № 3. – С. 198–212.
38. *Кеффер Л.* «Чиновница Свердловской области - о помощи детям: вам государство ничего не должно» // Коммерсант, 2018. – 5 ноября.
39. *Макконнелл К., Брю С.* Экономикс: принципы, проблемы и политика.— М.: Республика, 1992. - Т. 1.-399 с.
40. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. К Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. Издание второе. Изд-во политической литературы. Москва. – 1974. – С. 43–174.
41. *Николаева, Д., Гришина Т.* «В России выявлено 40 самозанятых. Легализация репетиторов, нянь и домработниц не состоялась». // Коммерсант, 2017.
42. *Орлова Т.В.* «Лексико-семантический анализ английских и русских фразеологических единиц (поговорок), выражающих отношение к труду, работе, делу» // Филологические науки. вопросы теории и практики. – 2012. – № 3 (14). – С. 69–72.
43. *Ремизов Д.* «Денег нет, идите в бизнес» / Д.Ремизов // [Электронный ресурс] Сайт информационного агентства «Росбалт». Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/08/04/1538113.html> (4 августа 2016г.).
44. *Самоукина Н.В.* Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах/ Наталья Самоукина. – М. : Вершина, 2006. – 224 с.: ил.
45. *Стэндинг Г.* «Прекариат. Новый опасный класс». Пер. с англ. Н. Усовой. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
46. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в двадцати двух томах. – Т. 8. – С. 303–304.
47. *Хархордин О.* «Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте». В сб. Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. Летний сад, 2002. – 218 с.
48. *Немецко-русский (основной) словарь: - 5-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1998. – 1040 с.*
49. «Юбилей Конституционного Суда: Выступление Валерия Зорькина» // В.Д. Зорькин / Российская газета, 2011 – 27 октября.
50. «Исследование показало, сколько человеку нужно денег для счастья». [Электронный ресурс] / Редакционная статья // Сайт информационного агентства «РИА Новости». Режим доступа: <https://ria.ru/society/20181124/1533419545.html> (24 ноября 2018г.);
51. «Путин сравнил коммунистическую идеологию с христианством». [Электронный ресурс] / Редакционная статья // Сайт информационного агентства «ТАСС». Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4872596> (15 ноября 2018г.).
52. «Просроченная задолженность по зарплате (на 1 ноября 2018г.)» [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики». Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (1 декабря 2018г.);
53. «Рейтинг регионов России по зарплатам» [Электронный ресурс] / Материалы исследования агентства «РИА Рейтинг» заработков в российских регионах в 2017 году // Сайт информационного агентства «РИА Новости». Режим доступа: <https://ria.ru/society/20181203/1538508781.html> (2 декабря 2018г.).